УДК 903.3
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00010

С.С. Лысенко

ФЕНОМЕН БРАСЛЕТОВ-«НЕ-БРАСЛЕТОВ»*

Статья посвящена месту в погребальном убранстве позднеантичных браслетов с шишечками. На данный момент в научной среде существует устоявшееся мнение о том, что такие изделия не использовались в качестве браслетов, а являлись исключительно амулетами. Главным аргументом для такого вывода считается отсутствие примеров фиксации данных изделий на руках погребённых. Для ревизии такого суждения были рассмотрены архивные источники и публикации комплексов с такими браслетами, изучены планы и описания погребений. В результате исследования было наглядно показано, что случаи нахождения браслетов с шишечками на руках погребённых известны, что позволяет интерпретировать их именно в качестве браслетов.

Ключевые слова: поздняя античность, украшения, позднескифские могильники, браслеты с шишечками.

Сведения об авторе: Лысенко Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: aheron2000@yandex.ua.

S.S. Lysenko

PHENOMENON OF BRACELETS-“NOT-BRACELETS”

The paper deals with the place of late antique bracelets with knobs in the funerary costume. There is an established opinion in the scientific community now, that such products were not used as bracelets, but were exclusively amulets. The main argument for such a conclusion is the absence of examples of fixing these items on the hands of the buried. Archival sources and publications of complexes with such bracelets were studied, and plans and descriptions of graves were considered to revise this assessment. It was clearly shown as a result of the study, that there are known cases of finding bracelets with knobs on the hands of the buried, which allow us to interpret them as bracelets.

Key words: Late Antiquity, adornments, Late Scythian cemeteries, bracelets with knobs.

About the author: Lysenko Svetlana Stanislavovna, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhradu, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: aheron2000@yandex.ua.

Бронзовые изделия в виде цельнолитого кольца с равномерно распределёнными по внешней поверхности группами отдельно стоящих выступов — по три в ряд, давно известны из находок в Восточной Европе. Они характерны для позднелатенского и римского периодов Северного Причерноморья и особенно часто встречаются в познескифских могильниках

* Статья поступила в номер 12 ноября 2020 г.
Принята к печати 14 декабря 2020 г.

© С.С. Лысенко.

Крыма. Известны они и в Карпато-Дунайском, Волго-Камском и Кавказском регионах, но в значительно меньшем количестве. Данная статья не ставит целью обсуждение культурно-хронологических аспектов этих изделий — мы хотим рассмотреть только интерпретацию тех из них, чьи размеры соответствуют браслетам.

В научной среде присутствует мнение о том, что такие предметы не были браслетами и не носились на руках, а являлись исключительно амулетами. Эти изделия называют браслетами, кольцами, большими кольцами или браслетообразными кольцами. Некоторые исследователи, не считая такие вещи браслетами, но сознавая их безусловное сходство с этой категорией украшений, вставляют слово браслеты в кавычки. Одни объясняют это тем, что нет подтверждений нахождения данного вида украшений на руках погребённых, из-за кремационного характера погребения или находок на поселении (Glodariu 1984: 68—69). Другие пишут: «…«браслет», условно называемый нами «медальоном»…» (Мартиросян 1954: 28) или: «Я сознательно употребляю термин «браслет» в кавычках, поскольку исследуемые в статье изделия не использовались в виде таковых, несмотря на соответствующие размеры и форму» (Журавлёв 2014: 60). И даже имея в личном опыте находки таких украшений на костях рук погребённых (Гущина, Журавлёв 2016), не считают это достаточным аргументом для признания очевидного — такие вещи носили на руках, а значит, они были браслетами. А уж несли ли они при этом ещё и ритуальную, символическую или сакральную нагрузку — это вопрос иного характера.

Из истории вопроса

Одно из самых ранних упоминаний некой необычности браслетов с шишечками встречаем у А.А. Спицына в описании погребения 29 Кошибеевского могильника под Рязанью: «*большое медное кольцо с 11-ю узелками или выступами по краю, имевшее какое-нибудь символическое значение*» (Спицын 1901: 60, табл. VII: *10*) (рис. 1: *1*). Браслет найден справа от головы (кости не сохранились), там же лежали две бронзовых фибулы и обломок от пряжки. Причины, побудившие исследователя заподозрить у обычного браслета «символическое значение» неясны. Более того — лежавшие вместе с браслетом фибулы ни в какой символичности не заподозрены.

Значительно позже, в 1954 г., армянский исследователь А.А. Мартиросян, изучив материалы музейной коллекции Хртаноцкого могильника, пишет: «*Особняком стоят … **три «браслета»** …, отлитые из серебра… Два из них с наружной стороны имеют 17 равноудаленных друг от друга выступов с шаровидными головками, а третий имеет 6 подобных же выступов. Диаметр их равен 8,5 см, толщина в сечении — 5 мм, высота выступов 5 мм. Подобные браслеты из могильников всего Закавказья нам неизвестны, поэтому вопрос назначения их остается для нас пока не выясненным. Можно предполагать, что они служили «медальонами», украшавшими шею или грудь покойника. Это предположение подкрепляется, во-первых, тем, что среди ножных и ручных браслетов таковые не встречаются, а, во-вторых, тем, что на третьем браслете были надеты еще бусы из массы и одна раковина…*» (Мартиросян 1954: 24, 28, табл. V: *28*, VIII: *6*). Добавим, что описанные браслеты найдены в разных «кромлехах» (групповых склепах), количество погребённых в них неизвестно, а сохранность скелетов очень плохая. Надо отметить, что браслеты из Хртаноцкого могильника имеют только один ряд выступов — на наружной поверхности браслета (рис. 1: *2—3*).

Возможно, на интерпретацию А.А. Мартиросяном браслетов с шишечками оказало влияние мнение А.А. Спицына, который в своё время участвовал в различных раскопках на

Кавказе. Тем не менее, обоснование А.А. Мартиросяном исключения данных вещей из категории браслетов, на наш взгляд, недостаточно убедительно. А бусинами в то время украшали различные категории убранства — например, фибулы, гривны, серьги. Почему бы не украсить таким образом и браслет?

Интересно, что в 1888 г. И.А. Волков называет найденный в погребении в Большой Дмитриевке под Саратовом браслет с шишечками «*бронзовым литым браслетом*» (Волков 1888: 287, рис. 11), а Е.К. Максимов в 1957 г. это же изделие описывает так: «*Бронзовое литое кольцо… с выступами-шишечками, расположенными по всей поверхности кольца. … Выступы-шишечки имеют следы действия высокой температуры, что говорит о возможности использования кольца в качестве подставки*» (Максимов 1957: 159, рис. 2: *3*). Такая странная интерпретация больше нигде не встречалась (рис. 1: *4*).

В своей публикации исследований могильника у с. Заветное Н.А. Богданова и И.И. Гущина пишут: «*Кольца с выпуклыми трёхсторонними шишечками разных диаметров широко известны в могильниках Северного Причерноморья, нередко встречаются и в Заветнинском могильнике... Положение их на теле погребённого неопределённо. Они не могли служить ни перстнями, ни браслетами, а выполняли, видимо, ритуальную роль*» (Богданова, Гущина 1964: 326). В то же время, в своих научных отчётах за те годы обе эти исследовательницы называют рассматриваемые изделия браслетами, а не кольцами (Богданова 1964: 9—34; Гущина 1970: 3—7). Причём, так происходило на протяжении всех лет исследования ими познескифских могильников: в отчётах — браслеты, в публикациях — кольца.

Э.А. Сымонович не включает «кольца с выступами» «…*в число браслетов, по той причине, что на Восточном могильнике Неаполя Скифского ни в одном случае они не были найдены надетыми на запястья рук или ноги. Их использовали в качестве оберегов, вешали на грудь или же хранили в мешочке в числе других вещей магического значения...*» (Сымонович 1983: 97).

А.В. Богачёв отмечает, *«что в литературе существует различная вербальная идентификация одного и того же типа изделий: «кольца с шишечками, «подвески с шарообразными расширениями», «кольца-амулеты», «латенские браслеты с шишечками»».* По его мнению, *«Наиболее употребимо обозначение «кольцевые подвески с выпуклинами», которое точнее отражает морфологические и функциональные особенности этой группы украшений»* (Богачёв 1998: 151).

А.В. Мастыкова считает такие изделия колёсиками-подвесками с выступами. Она пишет: *«Подобные изделия, но больших диаметров, использовались и в качестве браслетов, однако для изучаемого периода такие случаи не отмечены, они характерны для более позднего времени»* (Мастыкова 2009: 78). Хотя, как представляется, из приведённых ею вещей далеко не все имеют недостаточный для браслета диаметр.

Наконец, Д.В. Журавлёв, хоть и признаёт, что «*известно несколько единичных случаев использования их как браслетов…*» (Журавлёв 2006: 100), тем не менее, настаивает на ином назначении данных предметов.

Феномен отрицания исследователями наиболее очевидного назначения браслетов с выступами и стал поводом для написания данной статьи. Главной причиной, видимо, было то, что долгое время такие вещи не фиксировались на костях рук, что совершенно неудивительно в погребениях по обряду кремации и в слое поселений (Glodariu 1984: 68—69), но странно в ингумационных погребениях. Возможно, в некоторых случаях, это легко объяснить: состояние костей в погребениях этих могильников, как правило, довольно плохое — если костяки вообще сохранялись, то чаще всего в виде тлена или трухи, а сами

браслеты — массивны и тяжелы. В процессе разложения и разрушения костей они просто проваливались, незначительно отдаляясь от первоначального места. Это не всегда можно проследить даже в одиночных погребениях, а в многоярусных и разновременно заполнявшихся склепах и подавно.

Браслеты, найденные на руках

В поисках доказательств того, что браслеты с шишечками были всё-таки браслетами, пришлось углубиться в изучение литературы и архивных источников. И некоторые факты удалось найти.

Мы рассмотрели, планы и описания погребений, содержавших браслеты с шишечками из нескольких могильников. Подробнее стоит остановится на сведениях о раскопках могильника **Бельбек IV**, где из 23-х погребений с такими браслетами — в двух (погребениях 159 и 191), как признаёт Д.В. Журавлёв, они фиксировались на костях рук (Журавлёв 2014: 63). В описании этих погребений в научных отчётах И.И. Гущиной читаем:

Погребение 159. *На костях левой руки — два браслета: один с концами в виде головок змей,* ***другой*** *— с тремя рядами округлых выступов* (Гущина 1975: 2, рис. 3: *а, и*)[1]. На плане погребения видно, что браслет с шишечками[2] надет на левую руку (рис. 2).

Погребение 191. *На костях правой руки — два браслета, один с расплющенными фигурными концами, другой — со змеиными головками; на другой руке — два таких же браслета и круглопроволочный* ***браслет*** *с тремя рядами округлых шишечек* (Гущина 1981: 2, рис. 3, 10). На плане видно, что на кисти левой руки лежит наклонённая тарелка, а под ней характерным образом прорисован браслет с шишечками (рис. 3).

Кроме этих двух случаев, судя по планам и описаниям комплексов могильника Бельбек IV, ещё в четырёх захоронениях, браслеты были найдены на руках погребённых.

Погребение 106. По описанию — *у левой руки — бронзовый* ***браслет*** *с выпуклыми шишечками, ажурная подвеска с такими же выпуклинами, колокольчик и бронзовая подвеска-шишка* (Гущина 1973: 1, рис. II: *1*, III: *12*). На плане погребения браслет с шишечками находится на левой руке скелета (рис. 4).

Погребение 158. В описании — *в области таза и на костях рук - бронзовые предметы: зеркало-подвеска,* ***два браслета*** *круглопроволочных с тремя рядами округлых выступов, колокольчик, бляха* (Гущина 1975: 1, рис. 2: *а, г, д*). Судя по плану, на левую руку были надеты 2 браслета с шишечками (рис. 5).

Погребение 175. По описанию — *у правой руки два бронзовых браслета: один с утолщениями на концах,* ***другой*** *— с тремя рядами округлых выступов* (Гущина 1975: 8, рис. 19: *а, г*). По плану — на костях правой руки надеты 2 браслета, один из которых с шишечками (рис. 6).

Погребение 286. По описанию в монографии — *около правой руки было кольцо с шишечками* (Гущина, Журавлёв 2016: 185, табл. 195: *11*). По плану — кисть правой руки находилась в браслете (рис. 7).

И ещё в 11-ти погребениях с полностью истлевшими или почти истлевшими костяками можно смело предполагать, что браслеты с шишечками были надеты на руки погребённых на момент захоронения — как, например, в **погребениях 29, 132, 156** (рис. 8—10). Это предположение непременно было бы сделано авторами публикации, если бы они не

[1] В монографии, при описании вещей в этом и во всех остальных погребениях, такие браслеты именуются «кольцами» (Гущина, Журавлёв 2016: 120—194).

[2] Здесь и на других планах в отчётах по Бельбеку, шишечки браслета специально прорисованы.

испытывали предубеждение против такой трактовки. Порою, исследователи, имея гораздо меньше оснований для интерпретации каких-либо украшений, ничтоже сумняшеся, совершенно однозначно их интерпретируют (Лысенко, Лысенко 2014: 107—119). И то, что И.И. Гущина в научных отчётах об этих раскопках использует для таких вещей название «браслеты», означает, что в тот момент она именно так их и интерпретировала. Непонятно, что заставило её поменять точку зрения при написании монографии.

Немного противоречиво выглядят сведения о браслете из **Озёрного**. По описанию в научном отчёте, в **могиле 1** у запястья правой руки лежал браслет со змеиными головками, а на коленном суставе правой ноги находился **бронзовый браслет с шишечками** (Богданова 1960: 3, табл. VI: *4*). А на плане погребения скорее видно, что на колене лежит браслет с разомкнутыми концами, а на руке — цельный (рис. 11). Примечательно, что на плане оба браслета обозначены как «браслет», а в описании — браслет с шишечками назван «кольцом». Есть вероятность, что при описании его места в погребении возникла путаница. К сожалению, никаких уточняющих данных об этом погребении не сохранилось.

Н.А. Богданова пишет, что в двух погребениях могильника **Скалистое III** такие браслеты были найдены на фалангах рук (Богданова, Гущина, Лобода 1976: 144). Отметим, что в данном случае исследовательница фиксирует их так, как зафиксировала бы любые другие браслеты:

Могила Б.12. *Костяк потревожен прорытой канавой. Сохранились только череп, кости левой руки, фаланги правой руки. На фалангах пальцев правой руки был* ***браслет*** *с тройными шишечками. Диаметр 7 см* (Богданова 1964: 9, табл. 21: *3*, 22: *3*). Судя по плану — браслет лежал там, где смыкались кости ладони с предплечьем, снесённым рытьём канавы (рис. 12).

Могила Б.43. *Двойное — костяки один на другом, плохой сохранности. Кроме прочего, на кисти левой руки верхнего скелета был браслет с шишечками (диаметр — 8 см)* (Богданова 1964: 34, табл. 83: *9*, 82: *1*). Учитывая, что костяки лежат один на другом, сказать что-либо по плану и фото сложно, поэтому приходится довериться суждению автора раскопок.

В монографии по **Усть-Альминскому** могильнику Т.Н. Высотская пишет, что браслеты с шишечками ни разу не были найдены на костях рук или ног, а лежали возле левого или правого бедра (Высотская 1994: 111), но в данную монографию включены находки до 1978 г., а раскопки продолжались и позже. В 1979 г. в **могиле 174** этого некрополя был найден костяк молодой женщины с костяком младенца на груди. *На правое предплечье женщины был надет* ***браслет с шишечками****, диаметром 8 см* (Высотская 1979: 24—25, рис. 96, 99: *72*). Фото и план погребения в научном отчёте подтверждают, что костяк сохранился хорошо и никаких сомнений в том, что браслет был надет на руку не остаётся (рис. 13—14).

Таким образом, нам удалось найти, как минимум, 9 достоверных случаев фиксации браслетов с шишечками на руках погребённых, поэтому аргумент о том, что такие изделия никогда не находились на руках можно смело отринуть. И, как уже говорилось выше, если бы не предубеждение против интерпретации этих браслетов, таких случаев могло бы быть больше. Приходится признать, что место ношения браслетов других типов рассматривается исследователями значительно менее придирчиво.

Другие аспекты

Ещё одним аргументом в пользу отнесения браслетов с шишечками исключительно к амулетам служит фиксация в ряде погребений скоплений вещей, где, вместе с другими украшениями и предметами, встречаются и такие браслеты. Эти скопления обычно интерпретируются, как мешочки или кошели. Но, на наш взгляд, это никоим образом не противоречит использованию данных браслетов по прямому назначению, как и не отменяет обычного использования найденных в этих же скоплениях фибул, браслетов других типов, бусин, ножей и т.п.

В связи с тем, что ряд исследователей не считает изделия с шишечками браслетами и именует их «кольцами», наряду с действительно кольцами такого же типа, возникает вопрос: как их разделять? Обычно, браслетами считаются те изделия, которые имеют соответстующий диаметр и толщину проволоки (Лысенко 2021). Мы взяли для примера наиболее хорошо изученный и детально изданный могильник Бельбек-IV. При сравнении (в порядке возрастания) диаметров изделий в виде колец с выступами из этого могильника, обнаруживаем 2 группы, между которыми есть разрыв почти в 2 см: первая включает кольца с внешними диаметрами от 1,9 до 2,5 см; следующим идёт кольцо 4,1 см по внешнему диаметру и 3,3 см — по важному для нас внутреннему диаметру. Это кольцо открывает вторую группу изделий с внутренними диаметрами от 3,3 до 8 см.

Очевидно, что браслеты носили не только взрослые, но и дети. Значит, нужно определиться с минимально возможным для детского браслета диаметром. Если исходить из того, что минимальным внутренним диаметром для браслета можно считать 4 см[3], то во второй группе только 3 изделия (включая уже упомянутое) имеют недостаточный диаметр для браслетов. Остальные 26 штук можно было надеть на запястье — детское или взрослое.

Самым маленьким из рассматриваемых изделий, зафиксированных на руках, был браслет из погребения 175 (женщина) Бельбекского некрополя (Гущина, Журавлёв 2016: 156): внешний диаметр его 5,4—5,6 см, внутренний — 4,9—4,8 см. Это подтверждает правильность отнесения к браслетам изделий с внутренним диаметром от 4 см.

Заключение

Очевидно, что «шишечки» или «выступы» были для определённого хронологического периода всплеском моды и использовались для декора большого количества разнообразных изделий: колец, браслетов, фибул, всяческих подвесок, в т.ч. подвесок-сфер, медальонов, стеклянных бусин—пронизей и т.д. (рис. 15). Кроме того, использовались нанизываемые и подвесные декоративные элементы — на различные украшения нанизывали бусины, колечки; на кожаные шнурки крепили разные мелкие подвесочки. Этим можно объяснить наличие на некоторых браслетах бусин или остатков кожаных шнурков.

Разумеется, можно говорить о том, что практически все элементы съёмного убранства так или иначе являлись «амулетами» и имели какой-то сакральный смысл или ритуальное значение, но это ни в коем случае не умаляет их прямого назначения.

Рассмотренные в этой статье изделия, безусловно, являлись браслетами. Можно, конечно, предположить, что они были «браслетами для особых случаев», но это вовсе необязательно. Можно даже пойти дальше и попытаться интерпретировать их, как связанные

[3] Автор лично наблюдала расчистку погребения ребёнка пяти лет с цельнолитым браслетом на руке в курганной группе Глиное-Водовод 16/6 (Синика и др. 2018: 70, рис. 69: *1, 3*). Внешний диаметр браслета был 5—5,1 см, а внутренний — 3,9—4,2 см.

с деторождением — на основании фиксации на руке у женщины с младенцем на груди (Усть-Альма, погребение 178). Но для подобных построений у нас недостаточно оснований, как, впрочем, и для того, чтобы считать эти изделия сугубо амулетами и отрицать их наиболее очевидное назначение.

Литература

Богданова 1964: НА ИА НИНУ. № 1964/51. Богданова Н.А. 1964. Отчёт об археологических исследованиях 1964 года могильника первых веков н.э. в районе с. Скалистое Бахчисарайского р-на Крымской области.

Богданова Н.А., Гущина И.И. 1964. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. *СА* 1, 324—330.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. 1976. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I—III вв.н.э.). *СА* 4, 121—158.

Богачёв А.В. 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. В: Сташенков Д.А. (ред.). *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии)*. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 151—166.

Волков И.А. 1888. Больше-Дмитриевские курганы. *Труды Саратовской ученой архивной комиссии*. Т. I. Вып. III, 285—293.

Высотская 1979: НА ИА НАНУ. № 1979/8к. Высотская Т.Н. 1979. Отчёт о работе Альминского отряда за 1979 г.

Высотская Т.Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская академия евробизнеса.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II. В: Гудкова А.В. (ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 55—113.

Гущина 1970: НА ИА НАНУ. № 1970/64. Гущина И.И. 1970. Отчёт о работе Крымской экспедиции ГИМ в 1970 г.

Гущина 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/53. Гущина И.И. 1973. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в 1973 г.

Гущина 1974: НА ИА НАНУ. № 1974/93. Гущина И.И. 1974. Отчёт о работе Корымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1974 г.

Гущина 1975: НА ИА НАНУ. № 1975/117. Гущина И.И. 1975. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1975 г.

Гущина 1981: НА ИА НАНУ. № 1981/135. Гущина И.И. 1981. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1981 г.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Москва: Исторический музей.

Ханенко Б.И. 1901. *Древности Приднепровья. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко*. Вып. IV. *Эпоха великого переселения народов*. Киев: Фототипия и типография С.В. Кульженко.

Журавлев Д.В. 2006. Об одной группе «браслетов» или Кельтский мираж в Крыму. *Боспорские чтения* VII, 98—103.

Журавлёв Д.В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. *ПИФК* 1(43), 59—85.

Кухаренко Ю.В. 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. *СА* 1, 31—51.

Лысенко С.С., Лысенко С.Д. 2014. Некоторые аспекты реконструкции древнего костюма и убранства. *Археологія і давня історія України* 2(13). *Археологія: можливості реконструкцій*, 107—119.

Лысенко С.С. 2021. *Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы* (в печати).

Мажитов Н.А. 1968: *Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э.* Москва: Наука.

Максимов Е.К. 1957. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. *СА* 4, 157—161.

Мартиросян А.А. 1954. Раскопки в Головино. Результаты работ археологических экспедиций Института истории Академии наук Армянской ССР и Комитета по охране древностей Армении в 1929 и 1950 гг. Ереван: АН Армянской ССР (Археологические раскопки в Армении. Т. 4).

Мастыкова А.В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э*. Москва: ИА РАН.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Синика и др. 2018: Архив Музея археологии Приднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко. № 21. Синика В.С., Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Симоненко С.О. 2018. Отчёт о работах Днестровской археологической экспедиции по исследованию курганов у с.Глиное Слободзейского района в 2018 году.

Спицын А.А. 1901. *Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР* 25.

Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.

Glodariu I. 1984. “Brățările” cu nodozități Latene târzii. *Dacia* XXI, 63—79.

References

Bogdanova 1964: NA IA NINU. No. 1964/51. Bogdanova N.A. 1964. Otchot ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1964 goda mogil'nika pervykh vekov n.e. v rayone s. Skalistoye Bakhchisarayskogo r-na Krymskoy oblasti.

Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I. 1964. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 324—330 (in Russian).

Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I., Loboda, I.I. 1976. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 121—158 (in Russian).

Bogachov, A.V. 1998. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury Yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (Problems of chronology).)*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina, 151—166 (in Russian).

Volkov, I.A. 1888. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)*. Vol. I. Iss. III, 285—293 (in Russian).

Vysotskaya 1979: NA IA NANU. No. 1979/8k. Vysotskaya T.N. 1979. Otchot o rabote Al'minskogo otryada za 1979 g.

Vysotskaya, T.N. 1994. *Ust'-Al'minskoye gorodishche i nekropol' (Ust-Alma settlement and necropolis)*. Kyiv: Kiyevskaya akademiya yevrobiznesa (in Russian).

Gudkova, A.V., Fokeyev, M.M. 1982. In: Gudkova, A.V. (ed.). *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye (Monuments of Roman and medieval times in the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 55—113 (in Russian).

Gushchina 1970: NA IA NANU. No. 1970/64. Gushchina I.I. 1970. Otchot o rabote Krymskoy ekspeditsii GIM v 1970 g.

Gushchina 1973: NA IA NANU. No. 1973/53. Gushchina I.I. 1973. Otchot o rabote Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya v 1973 g.

Gushchina 1974: NA IA NANU. No. 1974/93. Gushchina I.I. 1974. Otchot o rabote Korymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1974 g.

Gushchina 1975: NA IA NANU. No. 1975/117. Gushchina I.I. 1975. Otchot o rabote Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1975 g.

Gushchina 1981: NA IA NANU. No. 1981/135. Gushchina I.I. 1981. Otchot o rabote Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1981 g.

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu (Necropolis of Roman time Belbek IV in the South-West Crimea)*. Moscow: Istoricheskiy muzey (in Russian).

Khanenko, B.I. 1901. *Drevnosti Pridneprov'ya. Sobraniye B.I. i V.N. Khanenko ()*. Iss. IV. *Epokha velikogo pereseleniya narodov (Antiquities of the Dnieper region. Collection of B.I. and V.N. Khanenko)*. Kyiv: Fototipiya i tipografiya S.V. Kul'zhenko (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2006. In *Bosporskiye chteniya (Bosporus Readings)* VII, 98—103 (in Russian).

Zhuravlov, D.V. 2014. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1(43), 59—85 (in Russian).

Kukharenko, Yu.V. 1959. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 31—51 (in Russian).

Lysenko, S.S., Lysenko, S.D. 2014. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 2(13). *Arkheologiya: mozhlivosti rekonstruktsiy (Archaeology: Possibilities of Reconstructions)*, 107—119 (in Russian).

Lysenko, S.S. 2021. *Ukrasheniya naseleniya Severnogo Prichernomor'ya epokhi pozdney bronzy (Jewelry of the population of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age)* (in print) (in Russian).

Mazhitov, N.A. 1968: *Bakhmutinskaya kul'tura. Etnicheskaya istoriya naseleniya Severnoy Bashkirii serediny I tys. n.e.* Moscow: Nauka (in Russian).

Maksimov, Ye.K. 1957. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 157—161 (in Russian).

Martirosyan, A.A. 1954. *Raskopki v Golovino. Rezul'taty rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Instituta istorii Akademii nauk Armyanskoy SSR i Komiteta po okhrane drevnostey Armenii v 1929 i 1950 gg. (Excavations in Golovino. Results of the work of archaeological expeditions of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Armenian SSR and the Committee for the Protection of Antiquities of Armenia in 1929 and 1950).* Yerevan: AN Armyanskoy SSR (Archaeological excavations in Armenia. Vol. 4) (in Russian).

Mastykova, A.V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV — seredine VI v. n.e. (Women's costume of the Central and Western Ciscaucasia at the end of the 4th — middle of the 6th century CE)*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Puzdrovskiy, A.Ye. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nyye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Funeral Monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Sinika et al. 2018: Arkhiv Muzeya arkheologii Pridnestrov'ya PGU im. T.G. Shevchenko. No. 21. Sinika V.S., Telnov N.P., Razumov S.N., Lysenko S.D., Lysenko S.S., Simonenko S.O. 2018. Otchot o rabotakh Dnestrovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii po issledovaniyu kurganov u s.Glinoye Slobodzeyskogo rayona v 2018 godu.

Spitsyn, A.A. 1901. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 25 (in Russian).

Symonovich, E.A. 1983. *Naseleniye stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo) (Population of the capital of the Late Scythian kingdom (based on the materials of the Eastern Burial-ground of Scythian Naples)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Glodariu, I. 1984. “Brățările” cu nodozități Latene târzii. *Dacia* XXI, 63—79.

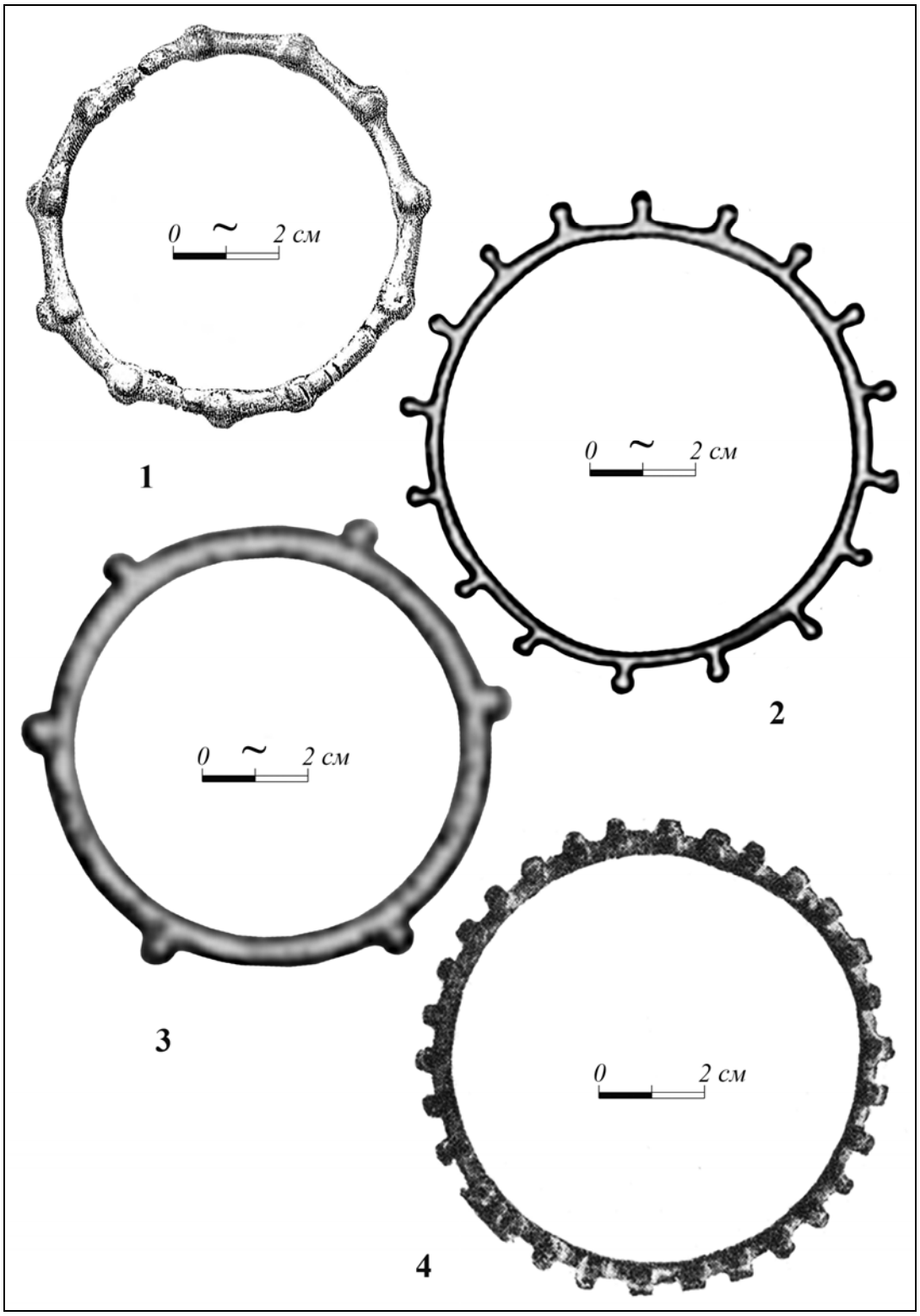

Рис. 1. Браслеты с шишечками: *1* — Кошибеево (по Спицын 1901: табл. VII: *10*); *2—3* — Хртаноцкий могильник (по Мартиросян 1954: табл. V: *28*, VIII: *6*); *4* — Большая Дмитриевка (по Максимов 1957: рис. 2: *3*).

Fig. 1. Bracelets with knobs: *1* — Koshibeevo (after Spitsyn 1901: tab. VII: *10*); *2—3* — Khrtanotsky cemetery (after Martirosyan 1954: tab. V: 28, VIII: *6*); *4* — Bolshaya Dmitrievka (after Maksimov 1957: fig. 2: *3*).

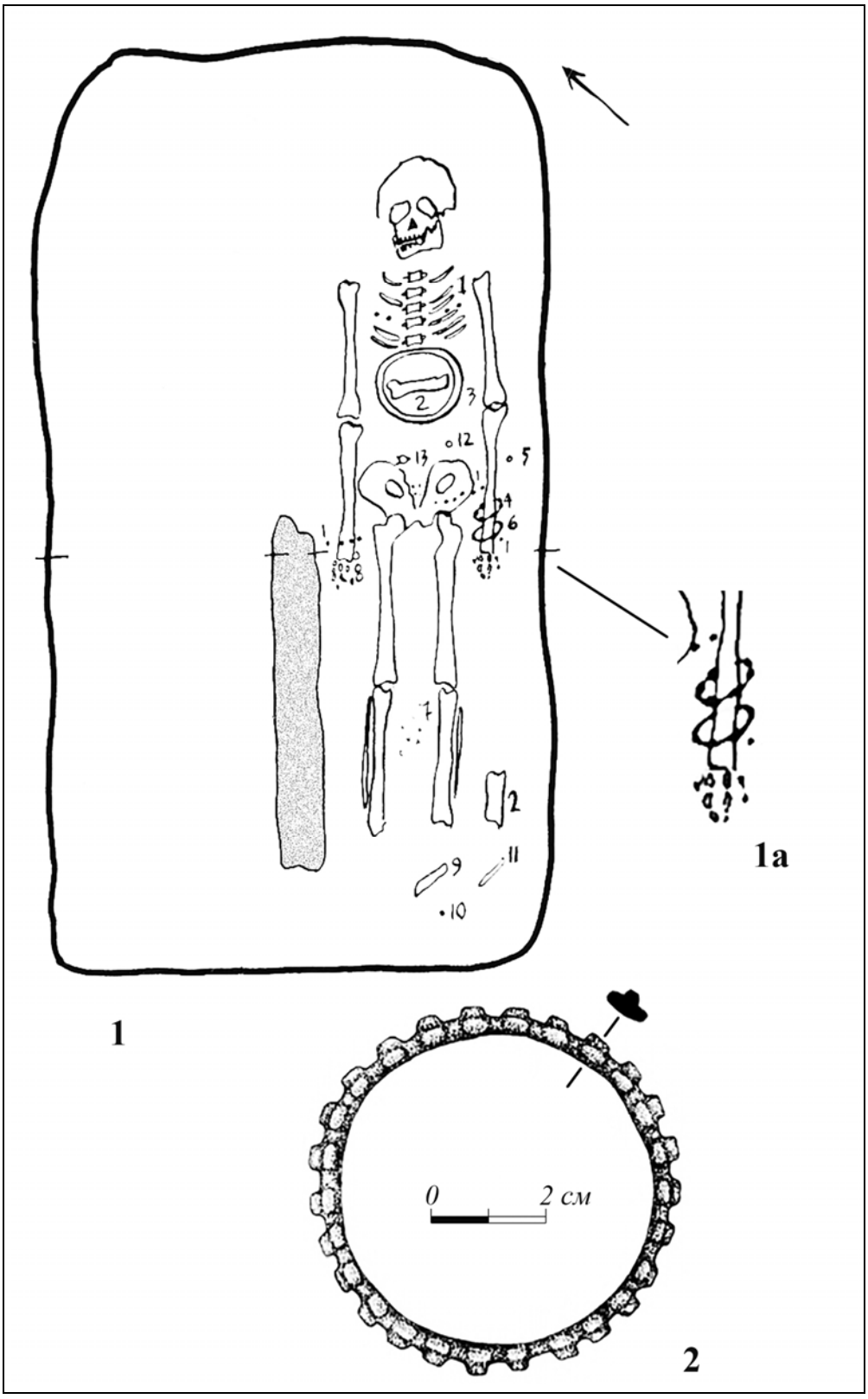

Рис. 2. Бельбек IV, погребение 159: *1* — план (по Гущина 1975: табл. 3: *а*); *2* — браслет с шишечками (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 97: *17*).

Fig. 2. Belbek IV, grave 159: *1* — plan (after Gushchina 1975: tab. 3: *a*); *2* — bracelet with knobs (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 97: *17*).

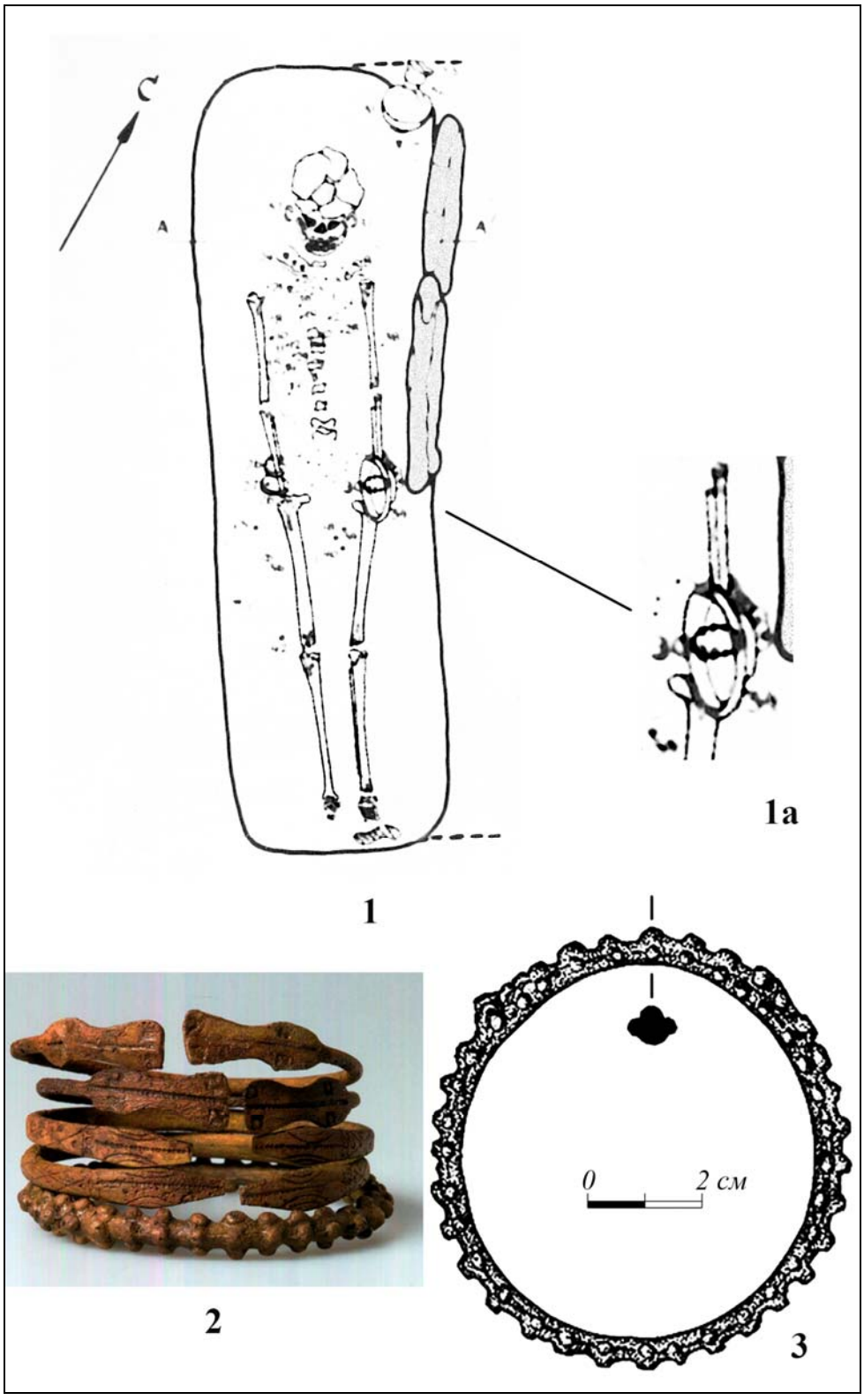

Рис. 3. Бельбек IV, погребение 191: *1* — план (по Гущина 1981: рис. 3, 10); *2* — браслеты из этого погребения (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 316: *1*); *3* — браслет с шишечками (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 124: *11*).

Fig. 3. Belbek IV, grave 191: *1* — plan (after Gushchina, 1981: fig. 3, 10); *2* — bracelets from the grave (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 316: *1*); *3* — bracelet with knobs (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 124: 11).

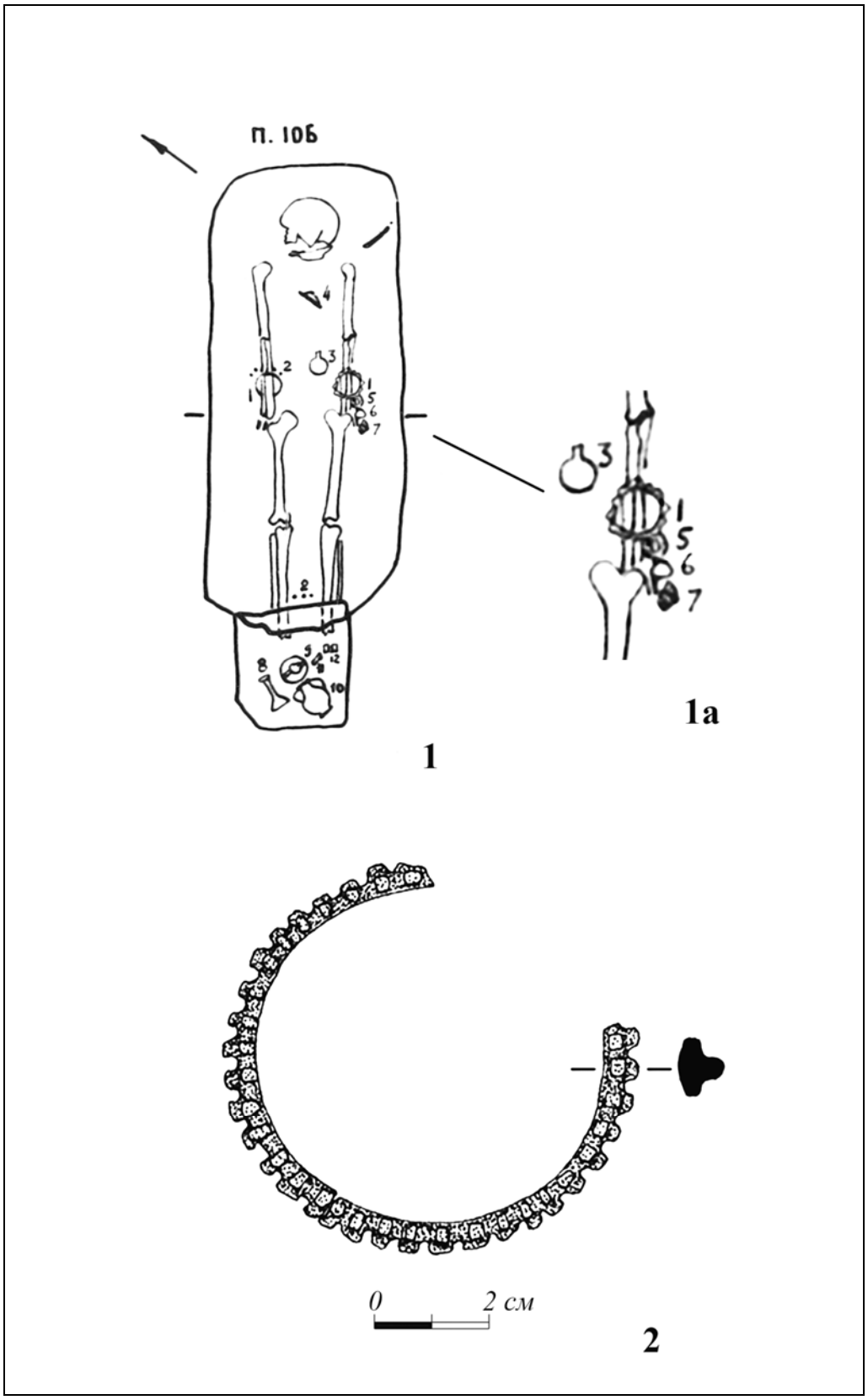

Рис. 4. Бельбек IV, погребение 106: *1* — план (по Гущина 1973: рис. II: *1*); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 62: *9*).

Fig. 4. Belbek IV, grave 106: *1* — plan (after Gushchina 1973: fig. II: *1*); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 62: *9*).

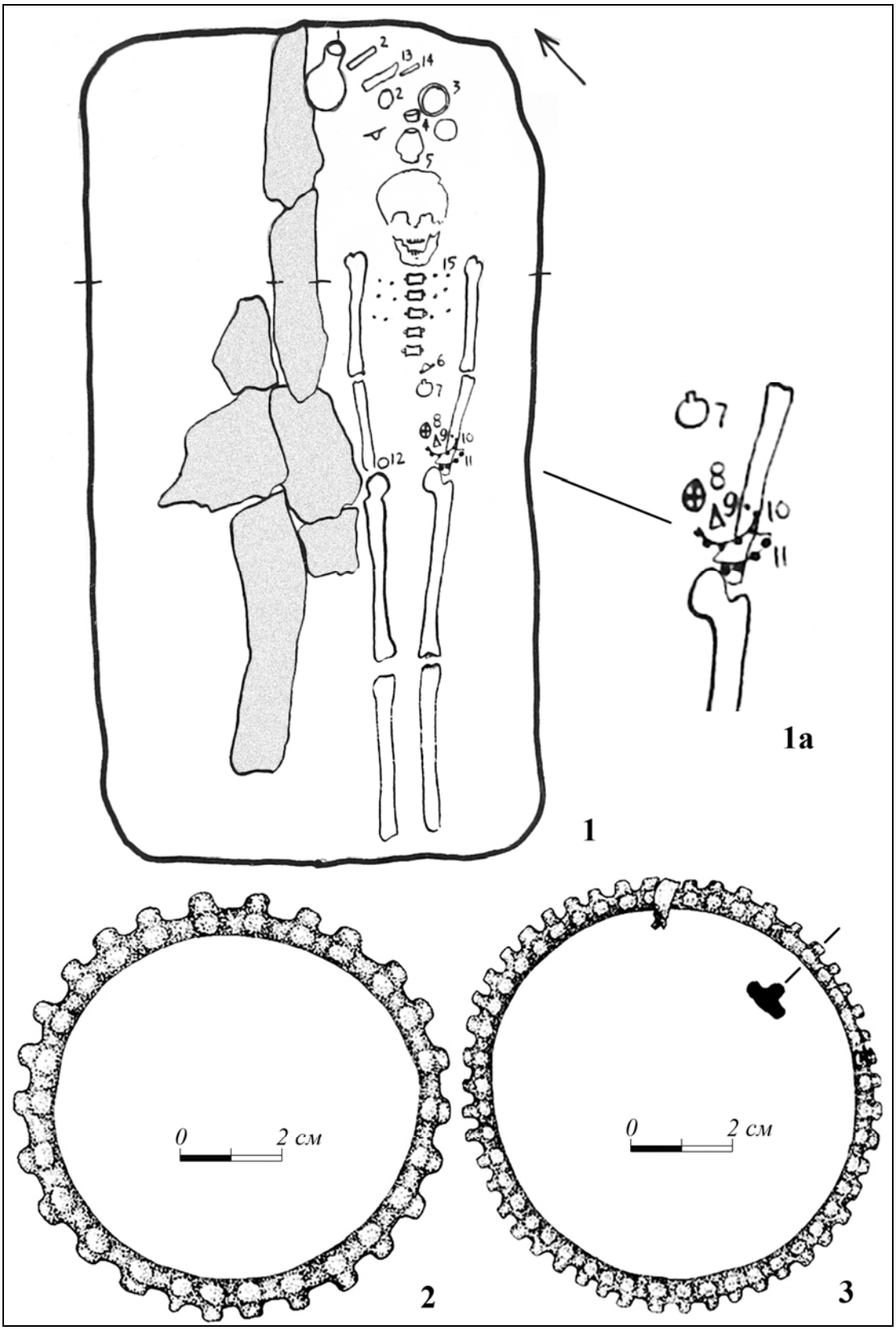

Рис. 5. Бельбек IV, погребение 158: *1* — план (по Гущина 1975: рис. 2: *а*); *2—3* — браслеты (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 99: *7, 13*).

Fig. 5. Belbek IV, grave 158: *1* — plan (after Gushchina 1975: fig. 2: *a*); *2—3* — bracelets (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 99: *7, 13*).

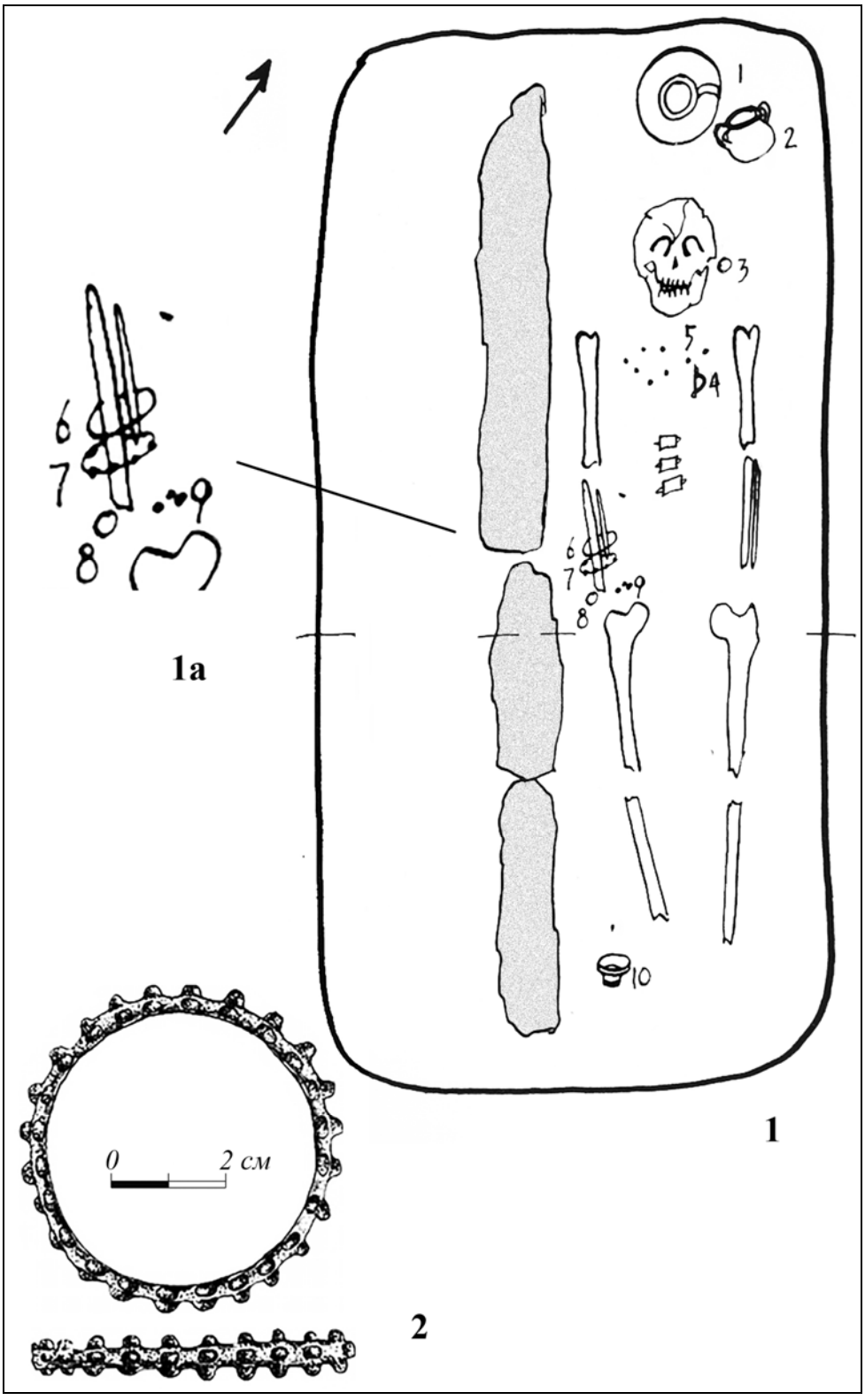

Рис. 6. Бельбек IV, погребение 175: *1* — план (по Гущина 1975: рис. 19: *а*); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 112: *7*).

Fig. 6. Belbek IV, grave 175: *1* — plan (after Gushchina 1975: fig. 19: *а*); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 112: *7*).

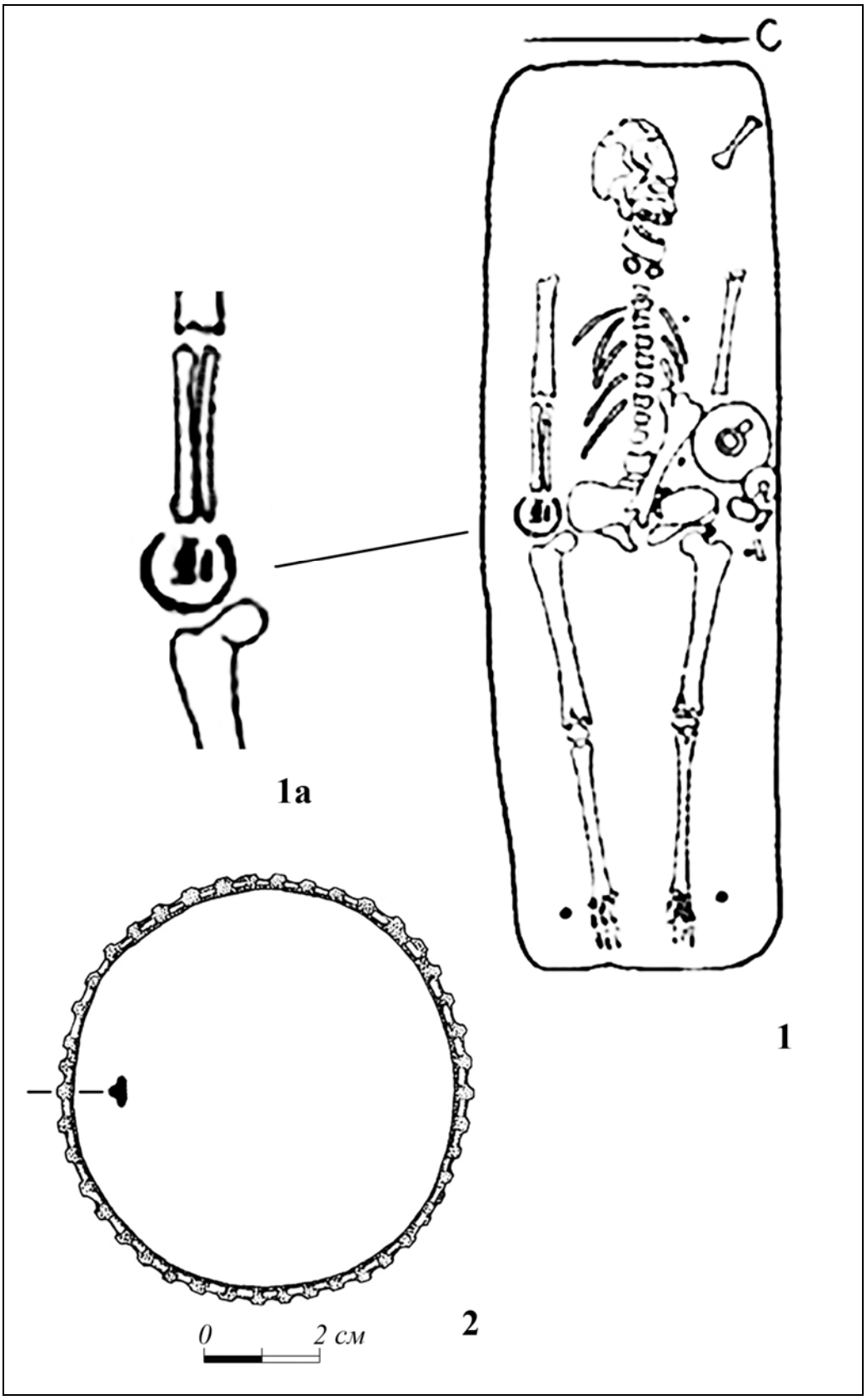

Рис. 7. Бельбек IV, погребение 286: *1* — план; *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: 185, табл. 195: *11*).

Fig. 7. Belbek IV, grave 286: *1* — plan; *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: 185, tab. 195: *11*).

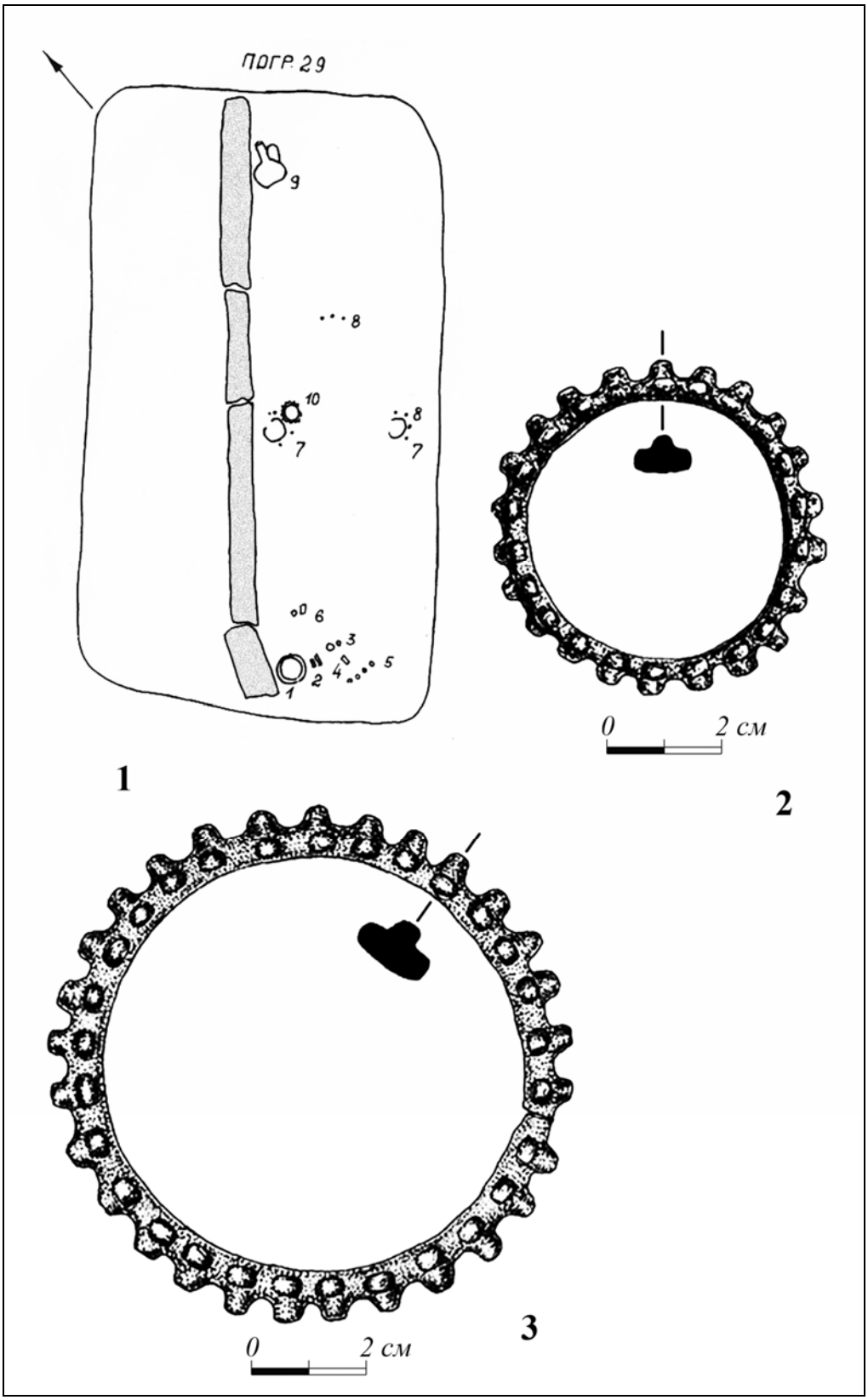

Рис. 8. Бельбек IV, погребение 29: *1* — план (по Гущина 1970: рис. 8: *а*); *2* — браслеты (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 19: *20—21*).

Fig. 8. Belbek IV, grave 29: *1* — plan (after Gushchina 1970: fig. 8: *a*); *2* — bracelets (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 19: *20—21*).

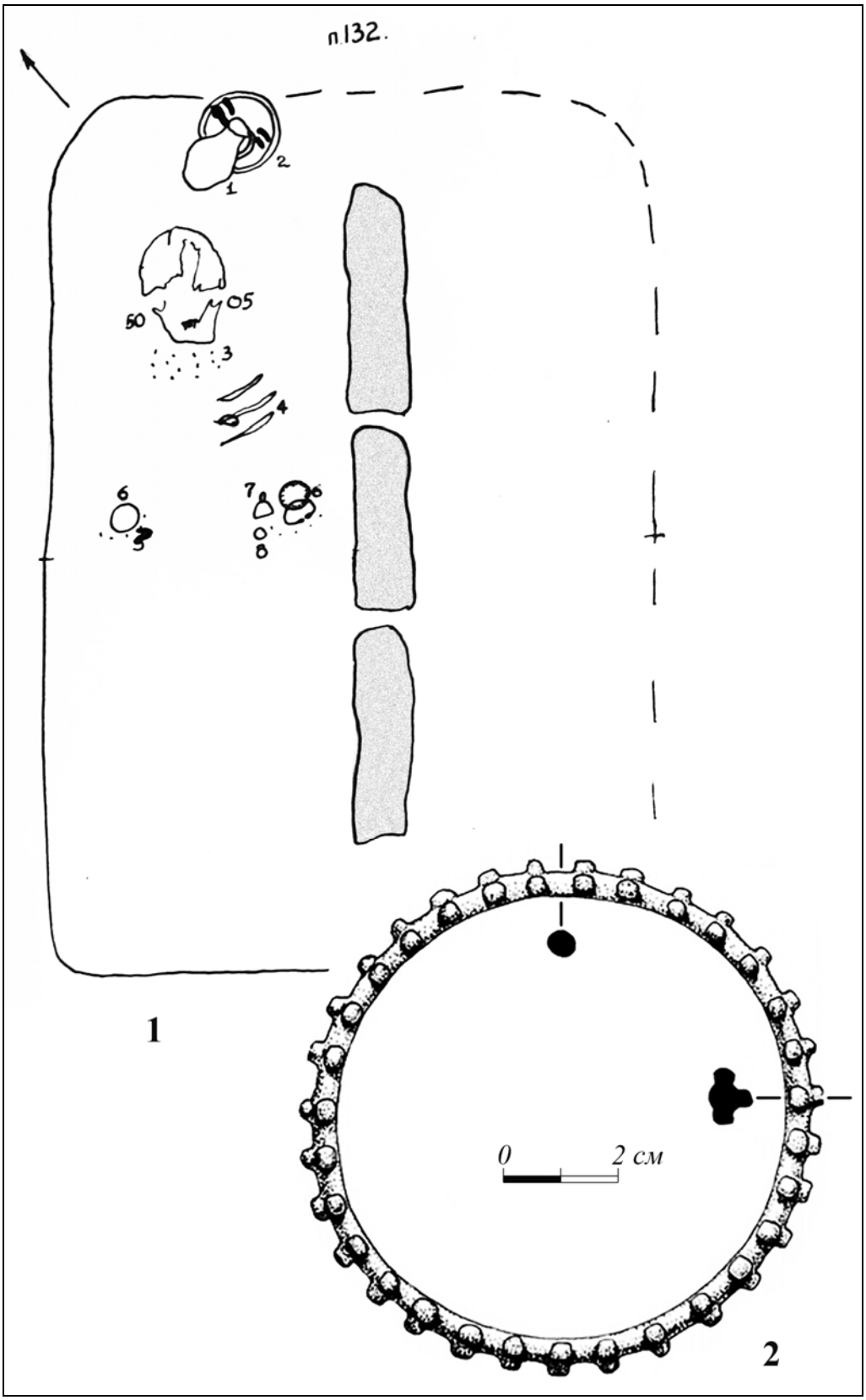

Рис. 9. Бельбек IV, погребение 132: *1* — план (по Гущина 1974: рис. 11); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 81: *25*).

Fig. 9. Belbek IV, grave 132: *1* — plan (after Gushchina 1974: fig. 11); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 81: *25*).

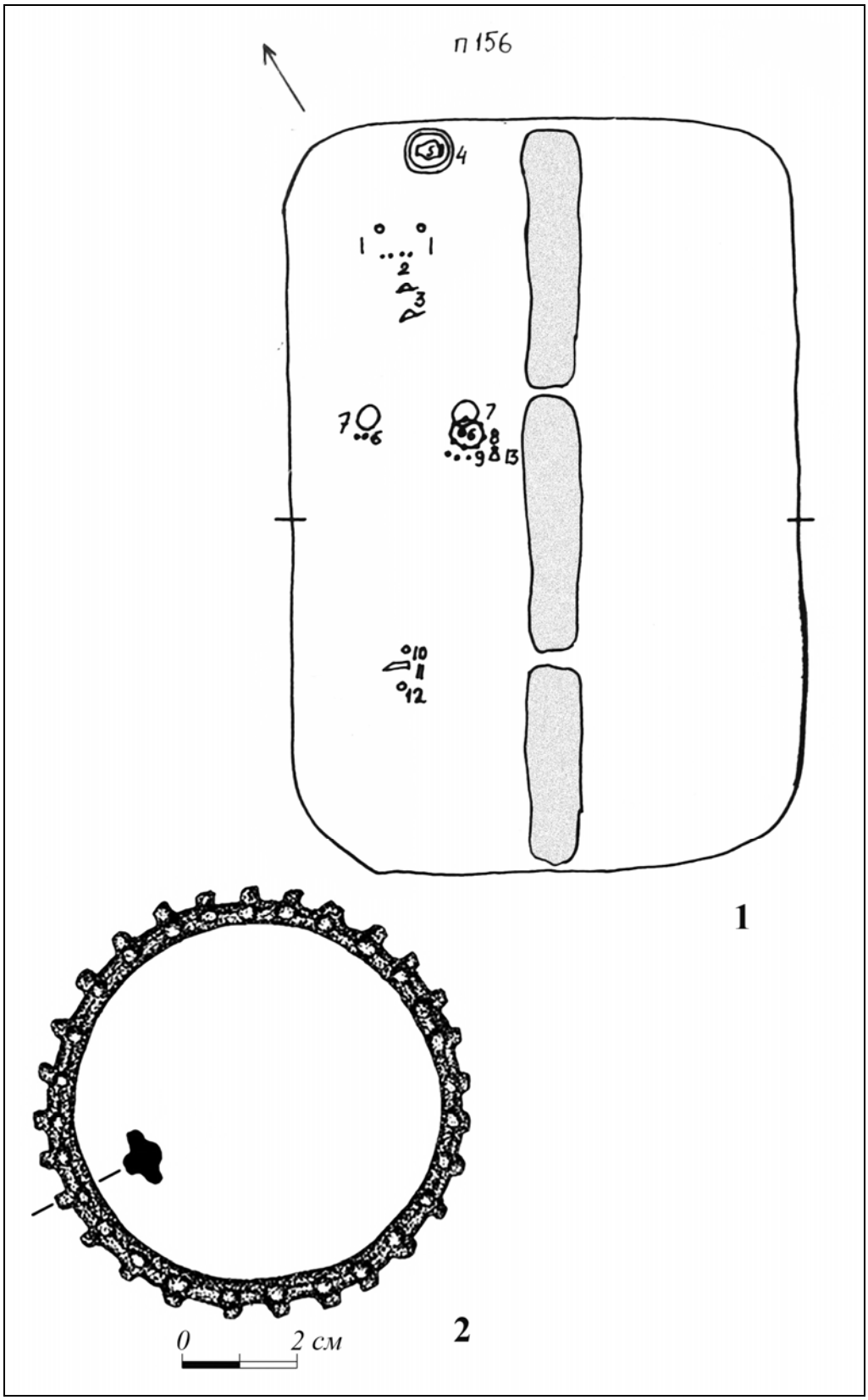

Рис. 10. Бельбек IV, погребение 156: *1* — план (по Гущина 1974: рис. 122); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 96: *13*).

Fig. 10. Belbek IV, grave 156: *1* — plan (after Gushchina 1974: fig. 122); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 96: *13*).

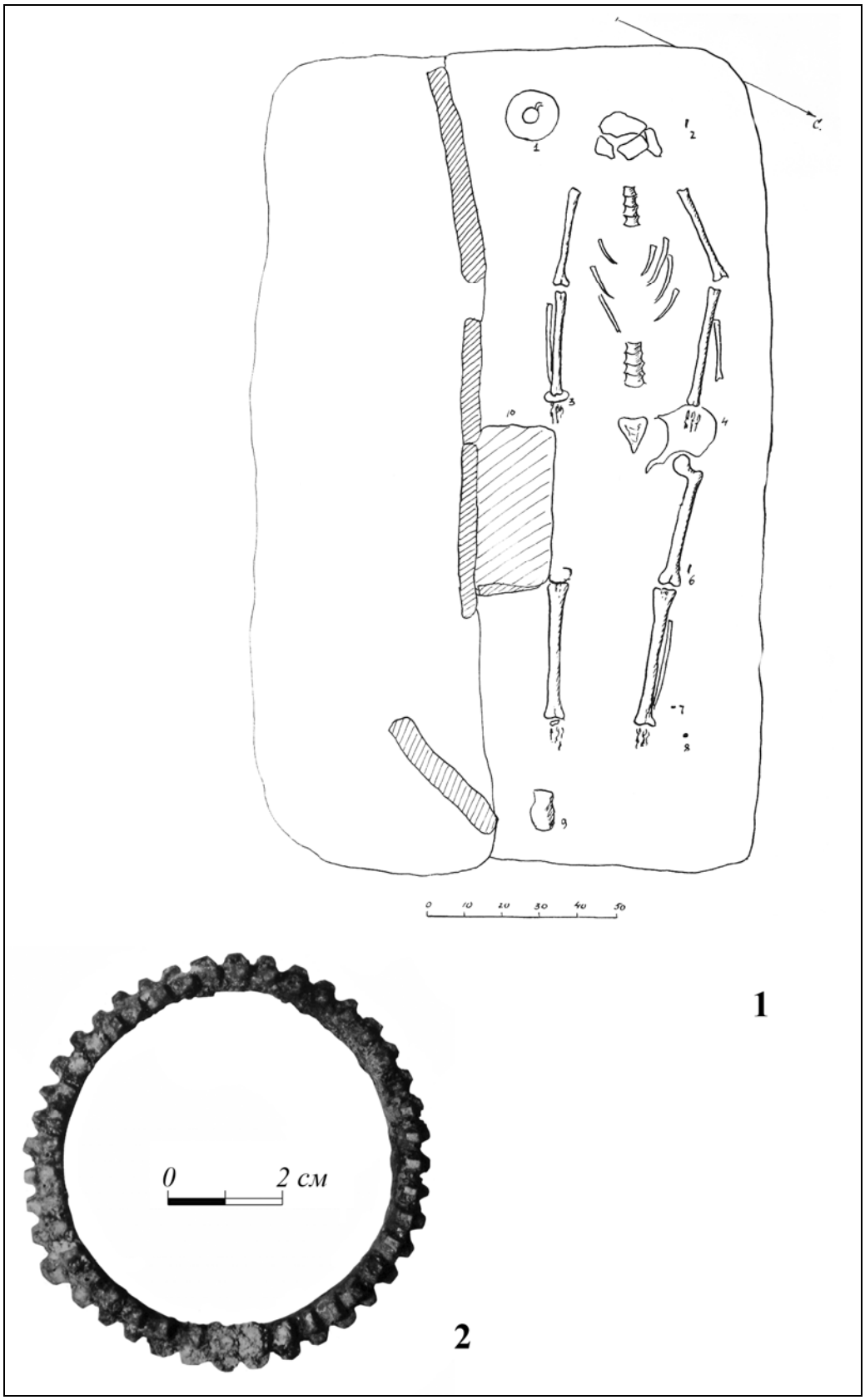

Рис. 11. Озёрный, могила 1: *1* — план; *2* — браслет (по Богданова 1960: табл. IV, VI: *4*).

Fig. 11. Ozerny, grave 1: *1* — plan; *2* — bracelet (after Bogdanova 1960: tab. IV, VI: *4*).

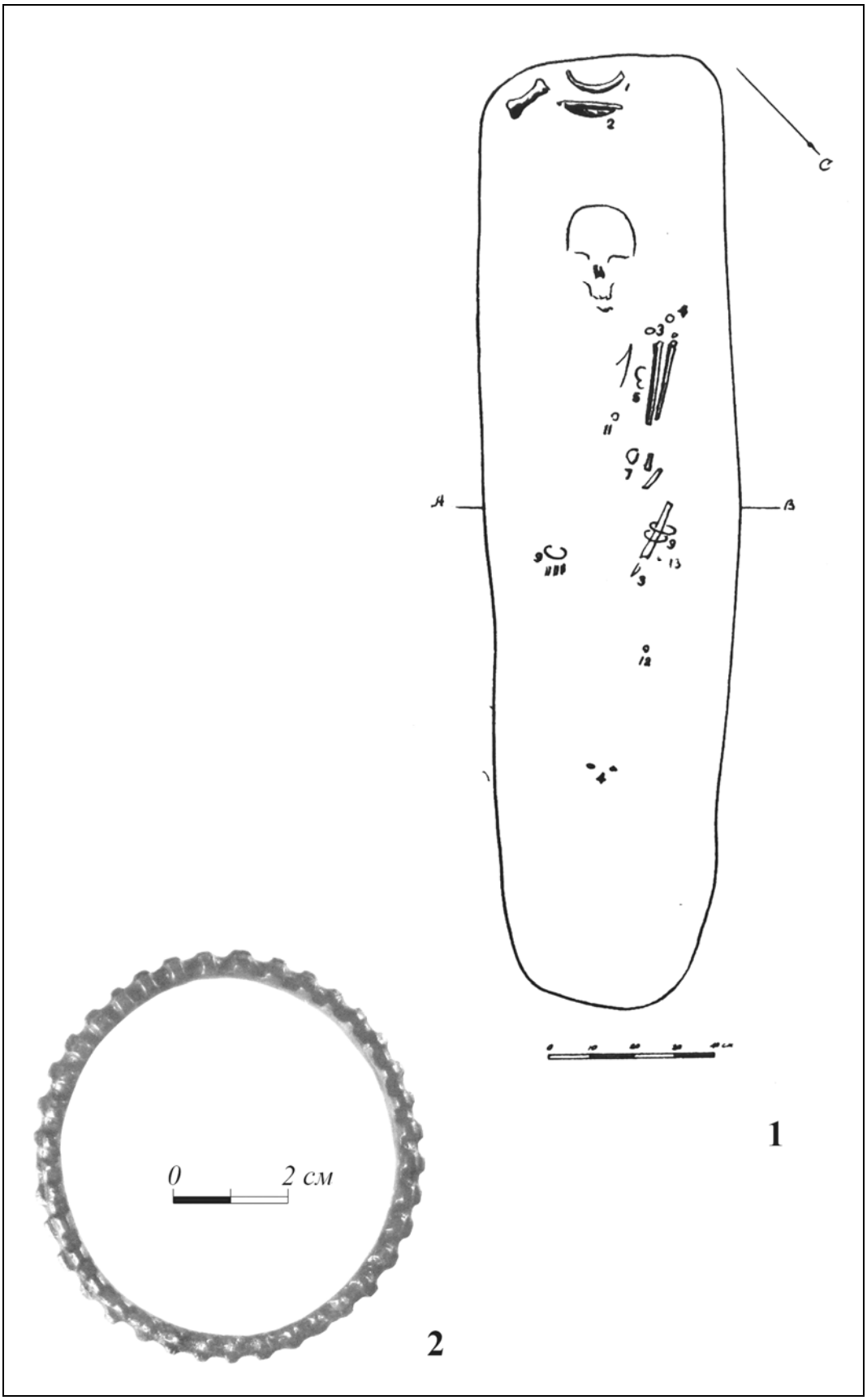

Рис. 12. Скалистое, могила 12: *1* — план; *2* — браслет (по Богданова 1964: табл. 21: *3*; 22: *3*).

Fig. 12. Skalistoe, grave 12: *1* — plan; *2* — bracelet (after Bogdanov 1964: tab. 21: *3*; 22: *3*).

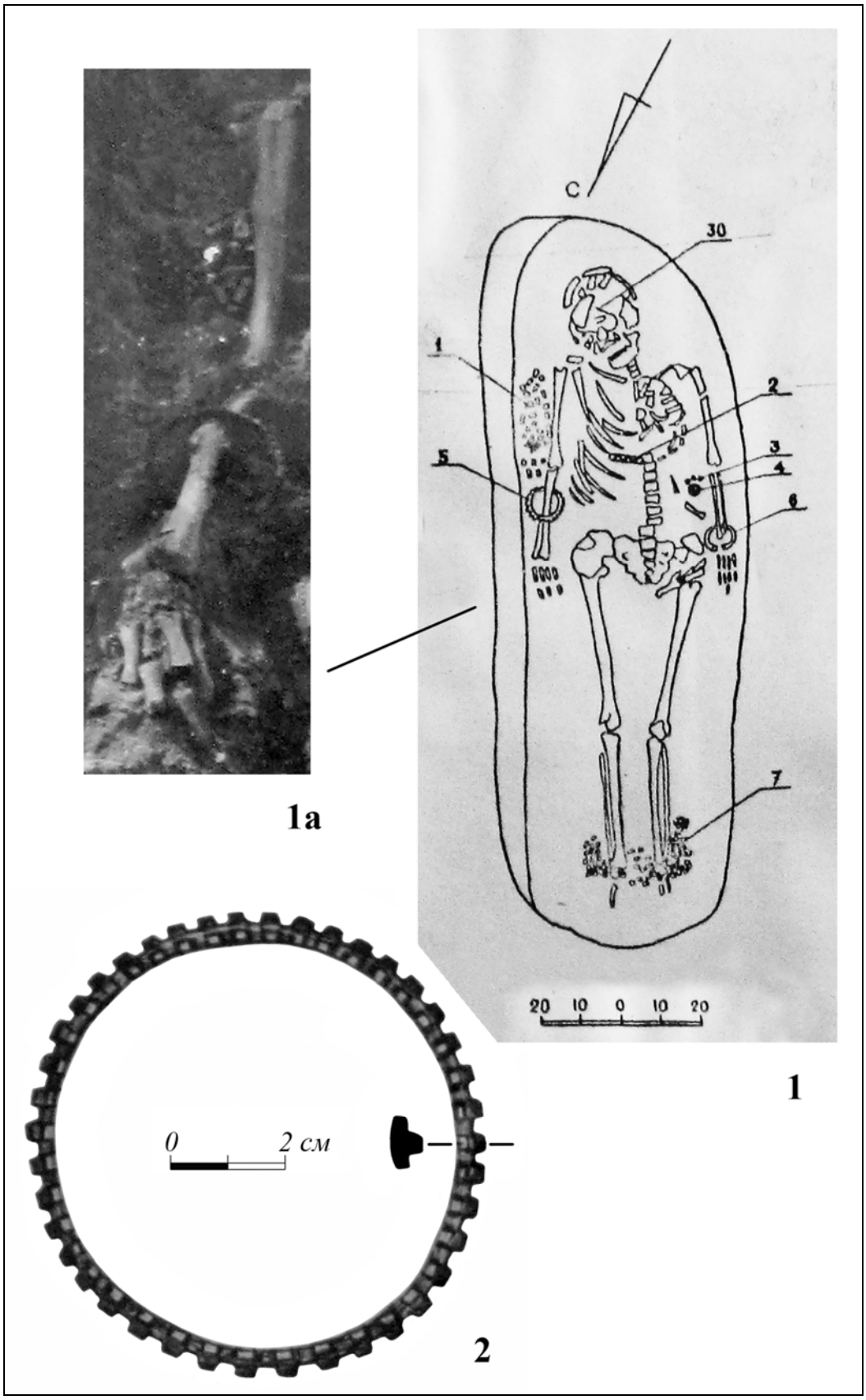

Рис. 13. Усть-Альма, могила 174: *1* — план; *2* — браслет (по Высотская 1979: рис. 96, 99: *72*).

Fig. 13. Ust'-Al'ma, grave 174: *1* — plan; *2* — bracelet (after Vysotskaya 1979: fig. 96, 99: *72*).



Рис. 14. Усть-Альма, могила 174 (по Высотская 1979: рис. 98).

Fig. 14. Us't-Al'ma, grave 174 (after Vysotskaya 1979: fig. 98).

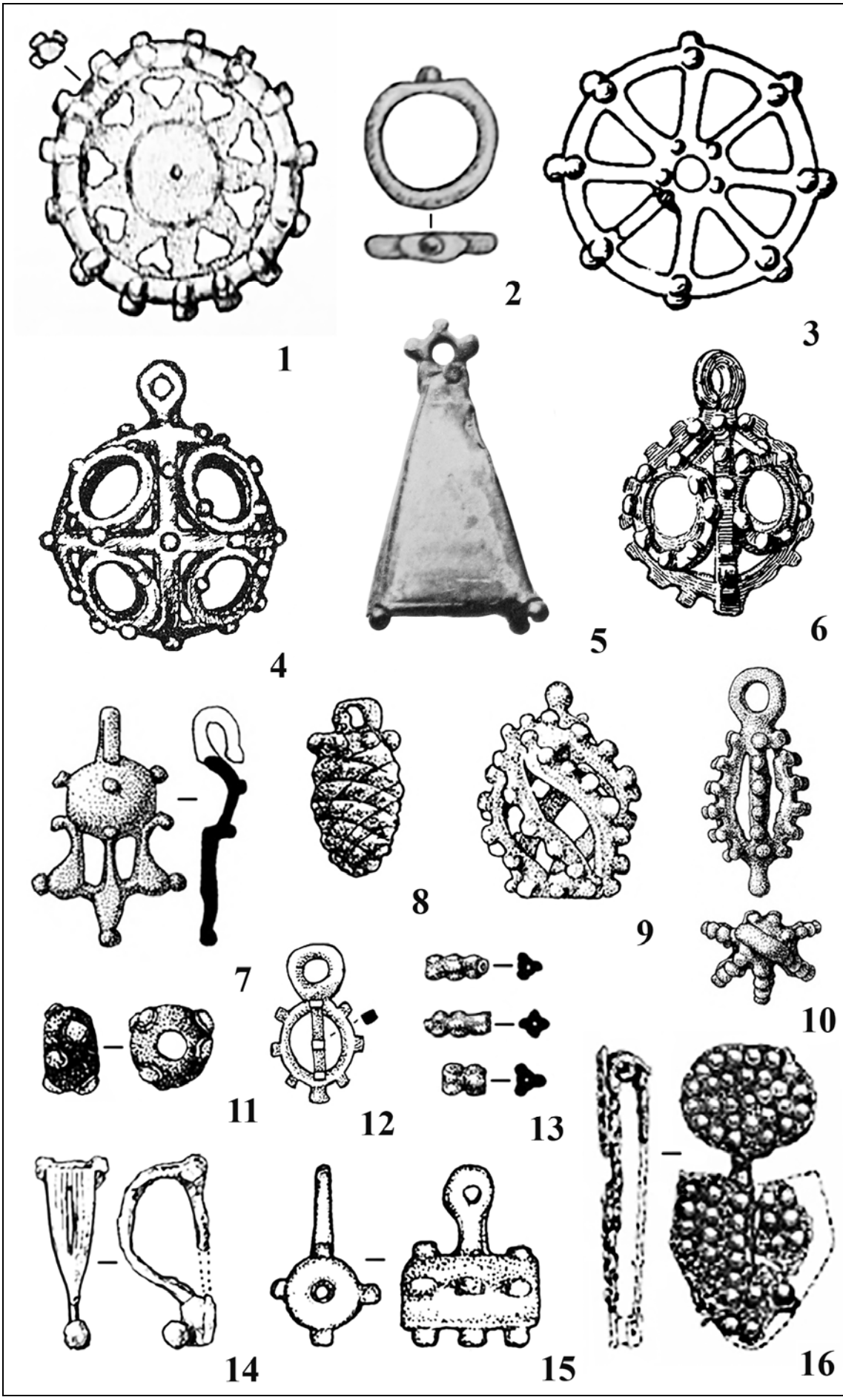
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Рис. 15. Изделия с декором в виде шишечек: *1* — Молога II, склеп 2, погребение 1 (по Гудкова, Фокеев 1982: рис. 11: *5*); *2* — Молога II, склеп 4, погребение VIII (по Гудкова, Фокеев 1982: рис. 15: *12*); *3* — место находки неизвестно (по Кухаренко 1959: рис. 2: *4*); *4* — Усть-Альма, склеп 88 (по Высотская 1994: табл. 25: 31); *5* — из собрания Б.Н и В.И. Ханенко (по Ханенко 1901: табл. VII: *206*); *6* — Бельбек IV, погребение 223 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 150: *7*); *7* — Бельбек IV, погребение 108 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 64: *9*); *8* — Бельбек IV, погребение 129 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 78: *9*); *9* — Бельбек IV, погребение 108 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 65: *1*); *10* — Бельбек IV, погребение 108 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 64: *17*); *11* — Бельбек IV, погребение 139 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 85: *11*); *12* — Бельбек IV, погребение 218 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 146: *5*); *13* — Бельбек IV, погребение 88 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 52: *8—10*); *14* — Усть-Альма, могила 440, погребение 10 (по Пуздровский 2007: табл. 194: *4*); *15* — Бельбек IV, раскопки Д.В. Журавлёва, К.Б. Фирсова (по Журавлёв 2014: рис. 12); *16* — Бирск, погребение 25 (по Мажитов 1968: табл. 8: *8*).

Fig. 15. Items with decorations in the form of knobs: *1* — Mologa II, tomb 2, grave 1 (after Gudkova, Fokeev 1982: fig. 11: *5*); *2* — Mologa II, tomb 4, grave VIII (after Gudkova, Fokeev 1982: fig. 15: *12*); *3* — place of the find is unknown (after Kukharenko 1959: fig. 2: *4*); *4* — Us't-Al'ma, tomb 88 (after Vysotskaya 1994: tab. 25: *31*); *5* — from the collection of B.N. and V.I. Khanenko (after Khanenko 1901: tab. VII: *206*); *6* — Belbek IV, grave 223 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 150: 7); *7* — Belbek IV, grave 108 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 64: *9*); *8* — Belbek IV, grave 129 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 78: *9*); *9* — Belbek IV, grave 108 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 65: *1*); 10 — Belbek IV, grave 108 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 64: *17*); *11* — Belbek IV, grave 139 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 85: *11*); *12* — Belbek IV, grave 218 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 146: *5*); *13* — Belbek IV, grave 88 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 52: *8—10*); *14* — Ust'-Al'ma, grave 440, grave 10 (after Puzdrovsky 2007: tab. 194: *4*); *15* — Belbek IV, excavations by D.V. Zhuravlev, K.B. Firsova (after Zhuravlev 2014: fig. 12); *16* — Birsk, grave 25 (after Mazhitov 1968: tab. 8: *8*).